

Марина Хамицевич

ЦВЕТOK
ПОСЛЕДНЕГО
РЕИХА

Марина Хамицевич

Цветок последнего рейха

«Автор»

2026

Хамицевич М.

Цветок последнего рейха / М. Хамицевич — «Автор», 2026

Эльке Новак попадает в закрытое учреждение, откуда не уходят по своей воле и где у женщин забирают не только свободу, но и право на собственную судьбу. Здесь нельзя задавать лишние вопросы. Нельзя привязываться. Нельзя верить тем, кто носит форму и говорит сухим приказным тоном. Но Александр Краузе – врач и офицер – слишком внимательно смотрит на неё, слишком часто оказывается рядом и слишком плохо умеет делать вид, что ему всё равно. Для Эльке он должен быть врагом. Для него она – женщина, к которой опасно подходить ближе положенного. Между ними возникает чувство, которому нет места в мире, где человеческая жизнь уместается в папку с печатью. Эльке придётся выбирать между страхом и надеждой, правдой и выживанием, потерянным прошлым и будущим, за которое ещё можно бороться. Но сможет ли она сохранить себя, если сама любовь становится опаснее любой лжи?

© Хамицевич М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. МАРТ	5
Глава 1. Александр	5
Глава 2. Эльке	12
Глава 3. Эльке	15
Глава 4. Александр	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Цветок последнего рейха

ЧАСТЬ I. МАРТ

Глава 1. Александр

Машина остановилась у ворот к вечеру, когда снег у обочин уже почернел от грязи, а воздух пах мокрой шерстью шинелей и бензином.

Александр Краузе вышел, поправил ремень через плечо и поднял глаза на здание. Большое, серое, с ровными окнами и ухоженной дорожкой ко входу. На вывеске было написано название учреждения, и от этого сразу стало не по себе.

Внутри было тепло. Слишком тепло после холода в дороге. В холле пахло полиролью, лекарствами и варёной капустой из кухни. Где-то за стеной плакал ребёнок, тут же чей-то женский голос тихо и быстро его успокаивал.

У стойки сидела девушка со светлыми волосами, заплетенными в гладкую косу, и голубыми глазами. Она подняла взгляд, увидела его форму и встала так резко, что стул тихо скрипнул по полу.

– Доктор Краузе? – спросила она тонким голоском, но с преувеличенной бодростью.

– Он самый.

– Вас ждут, герр доктор.

Она говорила так, будто ждут его как минимум на пир.

Александр отдал шинель санитару, оставил саквояж при себе и пошёл за ней по коридору.

На стенах висели картины: светловолосые матери с младенцами, смеющиеся дети, солнце над полем. Всё такое правильное, чистое и светлое, что хотелось отвернуться. После госпиталей с их хрипами, бинтами и вьёвшими намертво металлическим запахом это место выглядело островом спокойствия. Красивым. Таким же красивым, насколько и лживым.

Комендант принял его в кабинете на втором этаже. Мужчина лет сорока пяти, сухой, подтянутый, с гладко зачесанными светло-русыми волосами и холодными голубыми глазами. Телосложение у него было толстое и крепкое, а пальцы – длинные, как у пианиста.

Он не пожал руку сразу. Сначала посмотрел на документы, будто Александр должен был поступками заслужить уважение.

– Доктор Краузе, – наконец сказал он и указал на стул. – Садитесь.

Александр сел. Комендант остался стоять. Вдалеке глухо хлопнула дверь, потом по коридору прошли двое – каблук отстучали и стихли.

– Инструктаж будет коротким, – сказал комендант сухо. – У нас учреждение особого назначения. Порядок, чистота, дисциплина. Ваша задача – медицинское наблюдение, осмотры, ведение карт, контроль беременностей, родов и послеродового восстановления. Естественно всегда в приоритете добровольцы. Женщин выбираете на свое усмотрение из свободных или тех, у кого есть свободные места. Думаю для вас будет достаточно трех на первое время, потом как привыкнете можно будет увеличить нагрузку. Лишней инициативы не требуется.

– Лишней – это какой? – спокойно уточнил Александр.

Комендант поднял на него глаза. Взгляд стал острым.

– Такой, которая мешает работе учреждения.

– Лечение может помешать?

– Смотря кого и как лечить, герр доктор.

Между ними повисла неловкая пауза. Внизу зазвенела посуда – видно, готовили ужин. Александр положил фуражку на колени, провёл большим пальцем по краю козырька и кивнул.

– Продолжайте.

Комендант откинул лист в папке.

– Женщины первой категории размещены в восточном крыле. Добровольцы. Наши цветы. Им разрешены прогулки, письма по списку, общение с детьми и их воспитание. Конечно же им занимаются те, кто временно освобождение от своих прямых обязанностей. Режим мягкий. Беременность для них – служба на благо нации, но без давления и лишних волнений. Они понимают честь своего положения.

Он произнес это монотонным голосом, как выдержку из инструкции которую выучил наизусть.

– Женщины второй категории – западное крыло, – продолжил он. – Так же наши цветки, но с ограничениями. Иначе эти дикарки просто разбегутся и где мы снова найдём столько цветков, чтобы создавать сильную нацию идеальныз людей. Перемещения для цветков только с разрешения. Посещения по расписанию. Контакты между категориями ограничены. Разговоры с персоналом – только по крайней необходимости.

– Вторая категория – это кто?

Комендант не удивился вопросу, даже слегка закатил глаза от того, что такой уважаемый человек не видит очевидной разницы.

– Отобранные на территориях. Подходящие по признакам. Документы есть. Работают на благо программв. Их задача, рожать здоровых детей.

– Работают, – повторил Александр.

– Не цепляйтесь к словам, доктор. Сейчас не время и не место для того, чтобы изображать защитника нравственности.

Александр смотрел на него открыто, без вызова, но коменданту это не понравилось. Он захлопнул папку и всё-таки протянул руку.

– Здесь вам будет спокойнее, чем там, откуда вы прибыли. Если будете понимать и принимать наши правила.

Рука у коменданта была сухая и крепкая. Александр пожал её и поднялся.

– Правила я запоминаю быстро.

– Прекрасно. Фрау Беккер проведёт вас.

Фрау Беккер ждала у двери. Надзирательница – не старая, лет сорока, с круглым лицом, пепельными волосами и водянисто-серыми глазами. Плотная, собранная, в движениях – хозяйская уверенность. Она улыбалась вежливо, но улыбка жила отдельно от цепкого взгляда, от которого, казалось, не вскрыется даже мельчайшая деталь.

– Прошу за мной, герр доктор.

Они пошли по восточному крылу. Там было светлее. Окна без решёток, широкие подоконники, занавески в мелкий цветок. В общей комнате несколько женщин сидели за столом. Одна вязала крошечную кофточку, другая читала вслух журнал, третья смеялась, запрокинув голову. Все – светловолосые, розовощекие, с глазами от голубого до серого. До безумия похожие друг на друга. Не сёстры, нет. Скорее похоже на сделанные одним мастером для витрины куклы и он менял только длину кос.

Одна из них заметила Александра и выпрямилась. У неё были золотистые волосы, уложенные мягкой волной, синие глаза и крепкое, здоровое тело. Она провела ладонью по животу – округлому, хорошо заметному – и улыбнулась.

– Новый врач?

– Доктор Краузе, – представила Беккер.

В её голосе прозвучало предупреждение, тонкое, но понятное.

– Нам обещали хорошенького, – весело сказала другая женщина. – Предыдущий был кислый, как зимняя репа.

Александр слегка склонил голову.

– Постараюсь не портить вам аппетит своим видом.

Женщины засмеялись. Смех был живой, свободный. Из соседней комнаты выбежал мальчик лет двух, белокурый, в тёплых чулках, и обнял беременную за колени. Та наклонилась, поцеловала его в макушку.

– Не сейчас, Петер. Мама разговаривает.

Мама. Слово ударило неожиданно. Александр не подал виду.

– Дети остаются с ними? – спросил он, когда они отошли.

Беккер пожала плечами.

– С теми, кому разрешено. До определённого возраста. Потом – распределение. Но в этой части восточного крыла расположены лучшие цветы нашего учреждения. Они достойны того, чтобы воспитывать своих детей целых два года. Потом им разрешены небольшие свидания в зависимости от поведения.

– Достойно, – сказал Александр тем же ровным тоном.

Она посмотрела на него из подо лба.

– Вы быстро привыкнете.

Эта фраза ему уже не нравилась. Западное крыло начиналось за тяжёлой дверью. Ключ повернулся в замке с таким звуком, будто закрывали не коридор, а особо опасных преступников. Сразу стало прохладнее. Здесь не было занавесок. Окна высокие, под ними узкие кровати, двери палат закрыты. В воздухе держался запах карболки, сырого белья и кислого молока. Везде идеальная чистота. Но ощущение от попадания хуже грязи. Равнодушие.

По коридору шла женщина с ведром. Худая, с острыми плечами, светлые волосы убраны под платок, серые глаза опущены. Она увидела форму Александра, остановилась и прижалась к стене. Не от уважения. От привычки становится меньше.

– Вторая категория, – коротко бросила Беккер. – Не разговаривайте с ними без необходимости. Они любят жаловаться.

– На что?

– На всё, герр доктор. На еду, сон, плановые осмотры, мужчин, отсутствие детей, – Она произнесла это с усталостью хозяйки, которой надоели капризные служанки. – Если каждой давать волю, здесь все разберут по кирпичикам.

Александр посмотрел на закрытые двери. За одной тихо кашляли. За другой кто-то шептал – быстро, сбивчиво, не по-немецки. Потом шепот оборвался, когда их шаги оказались под нужной дверью. Бегло посмотрев содержимое комнаты Александр двинулся дальше.

Все похожи, подумал он. Даже здесь. Светлые волосы, серые или голубые глаза, правильные черты лица. Только у восточных женщин – кровь под кожей, смех и круглые плечи от хорошей еды. У этих же – торчащие ключицы, зажатые пальцы, взгляды, спрятанные так глубоко, что до них не добраться.

Но одна смотрела. Её он увидел позже, в послеродовой палате. Эльке Новак. В карточке значилось: двадцать шесть лет, чешка, третьи роды, состояние удовлетворительное.

В жизни же картинка отличалась от записей. Перед ним предстала женщина с выцветшими от усталости светло-русыми волосами, серыми глазами и худым телом, из которого недавно вынули ребенка, кое как почистили и оставили отдыхать. Лицо бледное, губы сухие, руки лежат поверх одеяла, нервно сжимая его.

Она не умоляла. Не пыталась улыбнуться, не подбирала слова помягче, не цеплялась за его рукав, как некоторые. Делала всё, что он просил. Повернуться. Дышать. Ответить на вопросы. Сжать пальцы. Но взгляд... Александр встречал разные глаза за последние годы: испуганные, злые, пустые, наглые, пьяные от чужой власти. У Эльке взгляд был живой и горящий. Словно лава под обманчиво безопасной коркой. Не плеснет сразу, не закричит, но если треснет – затянет на дно. А там только смерть.

После осмотра он вышел из палаты с её карточкой в руках и остановился у окна в конце коридора. Снаружи темнело. На дворе грузчик тащил ящик, двое санитаров курили у стены, пряча папиросы от ветра. Всё шло своим чередом. Здесь придерживаюсь строгого режима, что не оставляло место для попыток хоть что-то изменить.

– Герр доктор? – Беккер появилась за спиной бесшумно и даже слегка напугала. – Ужин через двадцать минут. После ужина вас ждет расписание на вечер.

Александр повернулся.

– Какое расписание?

Она подняла брови так, будто он задал неприлично глупый вопрос. – Ваше участие на благо государства. Комендант разве не сообщил?

Он сообщил. Не прямо. Там, в кабинете, между «контролем» и «службой государству». Александр тогда сделал вид, что не услышал. Ошибка. Здесь всё, что не хочешь слышать, рано или поздно зачитывают по пунктам.

– Сообщил, – сказал он.

Беккер удовлетворенно кивнула.

– У нас всё прекрасно организовано. И главное безопасно. Наши цветы проходят осмотр. Сдают анализы. Дни расписаны на неделю вперед. Никакой самостоятельности. Добровольцы иногда подают просьбы сами. Вторая категория – по назначению.

– Разумеется.

Слово вышло сухим. Она услышала и прищурилась.

– Не беспокойтесь. Сопротивления не будет. Абсолютно все знают зачем они здесь.

Вот это и было самым скверным.

Ужинали сотрудники отдельно. Длинный стол, суп, картофель, кусок мяса, хлеб. Радио в углу шипело, диктор бодро говорил о стойкости, о вере в хороший исход, о порядке. За столом тихо переговаривались. Один санитар с рыжеватыми усами рассказывал, как у добровольцев бабы опять спорили из-за детских пелёнок.

Медсестра смеялась. Комендант ел молча, отрезая мясо маленькими аккуратными кусками. Александр почти не чувствовал вкуса. Он пил воду и смотрел на руки людей за столом. Эти руки держали ложки, перекладывали хлеб, поправляли салфетки. Утром те же руки открывали палаты, вели женщин по коридору, забирали младенцев, запирали двери. Никакой ярости. Никакого крика. Только порядок.

После ужина ему выдали комнату. Узкая кровать, стол, умывальник, шкаф. На стене – аккуратный календарь. Завтра начнется март 1945 года. Весна. Красным карандашом отмечены смены, осмотры, фамилии. Он снял китель, повесил на спинку стула. Из внутреннего кармана выпало маленькое бронзовое кольцо и покатилося по полу, тихо звякнув у ножки кровати. Александр поднял его и задержал на ладони. Кольцо было простое, потемневшее, без камня. Нашли при нём в госпитале после ранения, вместе с документами и обрывком бинта, который почему-то вложили в карман. Спросили: ваше? Он тогда ответил: не знаю. Потом оставил. Не из памяти – памяти у него не было. Просто вещь перекладывалась из кармана в карман, как лишняя монета. Зачем он это делал – непонятно. Он убрал кольцо обратно. В дверь постучали.

– Войдите.

На пороге стояла Беккер с папкой. Она вошла в кабинет и стала предлагать рассмотреть личные дела, чтобы определиться с выбором.

– Первая – фройляйн Хильда Рау. Доброволец. Комната двенадцать. Осмотр проведен, – Она протянула лист. – свободное время указано.

Александр взял бумагу. Фамилия, возраст, группа крови, рост, цвет волос, цвет глаз. Всё тщательно и аккуратно выписано. Всё правильно. Под графой «примечания» стояло: «охотно сотрудничает».

– Вы контролирует процесс?

– До двери сопровожу. Герр Краузе, вы же не мальчик, сами разберетесь.

Коридор восточного крыла вечером освещался мягким. Лампы под абажурами, запах мыла, где-то играли на пианино – неумело, с ошибками. Хильда ждала в комнате, сидя у окна. Женщина с голубыми глазами и золотистой волной волос. Без ребёнка. Увидев Александра, она встала, слегка смутилась, но в этом смущении была игра, не страх.

– Добрый вечер, герр.

– Добрый.

Беккер закрыла дверь снаружи. Хильда улыбнулась, поправила прядь у виска.

– Мне сказали, вы с проходного госпиталя.

– С госпиталя.

– Там страшно?

Вопрос был произнесен тихо, с любопытством, будто она боялась спрашивать.

Александр посмотрел на неё. На здоровое лицо, на ухоженные руки, на ровный свет лампы. Она пришла сюда сама. Или убедила себя, что сама. Ей оставили право улыбаться, выбирать, жаловаться и держать ребёнка за руку. Её свобода была с забором вокруг, но внутри этого забора её обеспечил комфортом и дали право называться матерью.

– По-разному, – так же спокойно ответил он.

Она подошла ближе. Пахла лавандовым мылом.

– Вы очень серьезный.

– Работа такая.

– Здесь вам будет легче.

Второй раз за день. Он едва заметно усмехнулся.

– Вы все так говорите.

– Потому что это правда.

Она сказала это уверенно. Смеющийся взгляд, мягкие губы, крепкое тело – жизнь в ней не была выбита, только направлена в нужную систему этого места сторону. И от этого Александра пробрал озноб, кожа покрылась мурашками и стало холоднее чем в западном крыле.

Ночь прошла без прелюдии и подробностей, которые стоили бы слов. Он сделал то, что от него требовали. Она была спокойна, даже довольна ролью, которую для себя приняла. Он был аккуратен и далёк от самого себя настолько, насколько человек умеет уходить внутрь, когда тело обязано выполнить всю работу.

Позже он долго мыл руки. Вода шумела в умывальнике, стекала мутными нитями, и никак не становилось легче. В комнате пахло дешевым мылом и холодным металлом. Этот запах, кажется, будет преследовать его до конца жизни.

За дверью послышались шаги, кто-то коротко засмеялся, потом всё стихло.

Он сел на край кровати, расстегнул ворот рубашки и закрыл глаза. Перед ним снова встал западный коридор: закрытые двери, женщина с ведром, Беккер с ее спокойным «сопротивления не будет».

И Эльке Новак – белая как простыня, под такого же цвета одеялом, тощая, но упрямая, с глазами, в которых не было мольбы.

Он привык к боли в госпиталях. К людям, которые кричат. К тем, кто молчит. К приказам, которые нельзя обсуждать – только выполнять. Он думал, что на фронте видел самое худшее.

Александр погасил лампу. Темнота легла плотным покрывалом, но не принесла спокойствия мыслям.

«Я был уверен, что хуже фронта не бывает. Оказывается, бывает».

Глава 2. Эльке

Потолок был серовато-белым, с пожелтевшими пятнами в углах, казенным, как и всё здесь. Эльке смотрела в него уже, наверное, час. Или два. Время в этих стенах давно перестало иметь значение. Тело болело. Не так, как болит, когда падаешь и разбиваешь колонку, даже не похоже на перелом – это была глубокая, тянущая боль внутри, там, где только что было то единственное, что помогало ей жить дальше. Где только что был ребёнок. Надежда. Верить во что-то здесь так же глупо, как смеяться на похоронах. И Эльке было смешно. До рези в глазах и до разрывающей боли в сердце. На что только надеялась.

Она даже не успела увидеть – мальчик это или девочка. Только крик, короткий и пронзительный. Опытные акушерки быстро успокоили младенца.

Его унесли быстро, привычно, как уносят вещь, которую уже ждут в другом месте. Эльке не плакала. Она исчерпала слёзы уже во второй раз.

В первый раз она помнила только звук. Плач, который оборвался, как только дверь закрылась за акушеркой. Запись в журнале. Чей-то карандаш скрипел по бумаге – буднично, спокойно, пока она лежала и смотрела в тот же белый потолок, только тогда он казался выше. Она до последнего верила, что увидит его еще раз.

Второй раз его положили на стол под лампу на минуту, не дольше. Тогда было много рожениц. То ли не успели унести, то ли её перепутали с добровольцем. Это все неважно, главное в тот момент было, что ребёнка положили лицом к ней.

Прошло уже больше года, и она не могла вспомнить ничего. Только тяжесть этих секунд. То, как она боялась моргнуть. Злость на себя за то, что слезы накатывали и мешали рассмотреть каждую черточку, любую деталь, которая поможет его узнать. Надеялась. Как глупо.

Третьего не показали вовсе. Она лежала и думала: “Вот странно, что тело продолжает работать. Дышит, болит, хочет пить. Будто не знает, что внутри давно вырвали всю жажду к жизни”.

Сюда ее привезли в сорок первом. Ранней осенью, когда в одной довольно процветающей чешской деревне ещё пахло яблоками и навозом и жизнь казалась просто жизнью – небогатой, без излишеств, но своей.

Они пришли утром, когда отец был в поле. Несколько человек в форме, размахивали какими-то какими-то документами, прикрывались указом кого-то свыше. У них был такой вид, будто это самая обычная работа – забирать людей. Вырывать молодых здоровых женщин, разлучая их с семьёй.

Согнали и выстроили всех женщин на улице. Смотрели на волосы, на зубы, на рост – так смотрят на скот перед покупкой.

Эльке было двадцать два. Светлые волосы, серые глаза, правильные черты – она попала в нужную колонку из списка. Ей сказали, что это честь.

Больше она свою деревню не видела. Четыре года. Почти четыре. Она бы сошла с ума в первый же месяц, если бы не Магда. Магда с её жёстким голосом и привычкой смотреть в глаза любому, кто пытался согнуть ее под себя.

«Это когда-нибудь закончится,» – говорила Магда при любых трудностях, без смены интонации, как давно известный факт. Как таблица умножения. Дважды два – четыре. Это когда-нибудь закончится. Эльке цеплялась за эту фразу в самые тёмные ночи, повторяла ее как молитву, хотя молиться давно разучилась.

Дверь открылась без стука. Она не повернула голову – незачем. Кто бы ни вошёл, он пришёл не к ней. Он пришёл к телу в кровати номер четыре, которое нужно проверить на пригодность к следующему разу.

Шаги были другими. Не тяжёлыми, уверенными шагами коменданта и не торопливой дробью каблучков надзирательниц. Ровные, спокойные. Это не наш престарелый полуслепой акушер. Его выгнали, когда из-за его халатность погибло четыре ребенка.

Новенький?

– Эльке Новак?

Она не повернула голову. Он подошёл ближе.

Мужчина был молодым – лет тридцати, не больше. Высокий, широкоплечий, с короткими светлыми волосами и светло-голубыми глазами. Все здесь были похожи друг на друга – белокурые, правильные, как с одной фотографии. Он тоже был похож. Но что-то в нём было другое, и она не сразу поняла – что. Как ни вглядывалась, не могла понять и начинала злиться на собственную глупость.

Он в это время смотрел ей в лицо. Не в бумаги, не мимо, не сквозь как таких как она смотрели все остальные – прямо в лицо. Как будто там было что-то интересное.

– Я доктор Краузе, – сказал он, подтянул стул и сел рядом, а не нависая сверху, как делали остальные. Станный.

– Пришел осмотреть вас, но перед этим хочу спросить, как вы себя чувствуете?

Эльке не ответила. Он не стал ждать ответа. Взял ее запястье двумя пальцами – проверил пульс. Руки у него были аккуратными, с ровно подстриженными ногтями, и прохладными. Он смотрел на часы, потом снова на неё.

– Когда последний раз ели?

Она попыталась вспомнить.

– Вчера, – сказала она хриплым от долгого молчания голосом.

Он что-то написал в карточке. Потом спросил про боль – где, насколько сильная. Она отвечала коротко. Он слушал внимательно, без дурацких кивков, с которыми здесь обычно выслушивали жалобы, якобы поддерживая собеседника, а на самом деле всем им было на нас плевать. Не умерли и хорошо. Без раздражения. Без спешки. «Неужели человек» – мелькнуло у нее в голове.

Она усмехнулась этой мысли.

Когда он закончил осмотр и поднялся, она снова уставилась в потолок. Он убрал карточку, застегнул саквояж. У двери остановился на секунду.

– Я пришлю сестру с едой, – сказал он.

Она не ответила. Дверь закрылась.

“Да, прилешь. Но никто не придёт.”

Эльке смотрела в белый потолок и думала о том, что у нее есть еще один ребенок где-то в этом мире. Мальчик или девочка – она не знала. Живой – она надеялась. Больше у неё ничего не было.

Тело болело. От спины при каждом движении по телу расходилась волна боли. За окном шумел ветер – март, холодный и злой.

Это когда-нибудь закончится.

Глава 3. Эльке

День в учреждении начинался не с солнечного света, а со скрежета открывающегося замка. Металлические штифты выстраивались в ряд, и коридор принудительного блока постепенно оживал: сначала шаги надзирательницы, потом короткое покашливание санитарки, потом сухое:

– Подъём. Через десять минут построение.

Эльке проснулась без раздумий. Тело еще помнило третьи роды, отзывалось тянущей болью, но здесь боль не считалась причиной нарушать режим. Здесь вообще мало что считалось серьезной причиной. Болезнь – если записана в карточке. Слабость – если врач подтвердил. Слезы – никогда.

Она натягивала серое платье, завязывала волосы в узел и шла в коридор. Светло-русые пряди всё равно выбивались у висков, тонкие и сухие, как старая солома. В душевой не было зеркал, но Эльке знала, как выглядит: худое тело, серые глаза, лицо с впалыми щеками от постоянной лени мужчин. В строю такие же лица были у многих. Разные имена, разные судьбы, один и тот же взгляд.

В пол. И никакой надежды.

– Встать, – крикнула за дверью надзирательница.

Флора поднялась. Молча. Послушно. Ночная рубашка висела на ней мешком.

Эльке села медленнее. Внизу сразу потянуло, низ живота отозвался тупой болью, и она сжала пальцы в кулак, чтобы не показать этой проклятой Беккер слабость. Здесь любая жалоба могла стать записью в карточке. А запись в карточке – поводом для новых унижительных осмотров, новых решений, нового «так положено».

Дверь распахнулась. Фрау Беккер вошла с журналом под мышкой, плотная, собранная, с гладкими пепельными волосами и серыми глазами, которые умели видеть человека насквозь. По крайней мере так ощущался ее взгляд. За ней шла молодая сестра с подносом термометров.

– Новак.

– Здесь, – ответила Эльке.

– Шульц.

Флора чуть подняла подбородок.

– Здесь.

Голос у неё был тонкий, как нитка, которую вот-вот перетрут.

Беккер сделала отметку.

– Меряем температуру девочки. Потом душ. Завтрак через пятнадцать минут. Без разговоров в коридоре. Не нужно с утра устраивать балаган.

Она говорила привычно, скупно, как хозяйка, перечисляющая дела на ближайшее время. Только у бекнакт были ключи от нашей свободы.

Когда дверь закрылась, Флора взяла термометр и сунула под мышку. Руки у неё мелко дрожали, но лицо оставалось поникшим.

– Тебе больно? – тихо спросила Эльке.

Флора не сразу повернула голову. Взгляд прошёл рядом с Эльке и остановился на стене за ее спиной.

– Нет.

Это «нет» ничего не значило. Здесь многие говорили «нет», когда болело, «да», когда не понимали, и «спасибо», когда хотелось швырнуть миску в гнусную бекнакт и стереть это идиотские выражение с ее лица.

Эльке отвернулась к окну. За стеклом двор был серым после ночного дождя. По дорожке шёл санитар с ящиком, у ворот переговаривались двое в форме, из кухни тянуло вареной кру-

пой. Обычный день. Очередной день. В этом и была главная жестокость этого проклятого учреждения: оно умело делать ужас будничным.

Умывались по очереди, под присмотром. Холодная вода, обмылок, полотенце, застиранное до состояния наждака. Женщины шли молча, прижимая локти к бокам. В принудительном блоке никто не занимал много места. Даже в коридоре каждая старалась стать уже, тише, незаметнее.

– Быстрее, – бросала фрау Беккер, проходя вдоль ряда. – Не на прогулку собрались.

Никто не отвечал. В принудительном блоке голос берегли. Лишнее слово могло зацепиться за чужое настроение и вернуться наказанием, дополнительной нагрузкой или переносом в комнату, откуда женщины выходили с таким видом, что проще сразу отвернуться, чем смотреть ей в глаза.

– У дверей умывальной стояла Магда.

Она была старше Эльке на несколько лет, высокая, крепкая, с широкими плечами и светло-русыми волосами, которые она заплетала так туго, что даже глаза натягивались, делая её взгляд лисьим. Глаза у Магды были голубые, яркие. Не добрые – нет. Добро здесь быстро разбивалось жестокостью и несправедливостью. Но в их глубине таилась сила, грубая и тёплая, как ладонь, которой могут и ударить и протянуть для помощи.

– Ты белая, как простыня после кипячения, – сказала Магда шёпотом, но с привычной колючестью. – Не падай. Дрянная бекнакт обрадуется, что нашла себе занятие.

– Я и не собиралась, – так же тихо ответила Эльке.

– Собиралась не собиралась, а себя слушай. Твоя дурная голова и ещё одно мягкое место нынче у тебя дурные советчики.

Эльке прыснула бы, если бы могла. Вместо этого уголок губ дрогнул. Магда заметила и кивнула с видом победительницы.

– Вот. Копи силы, девочка. Живая пока.

– Не слишком ли громкое заявление.

– Для этого места – роскошные не придумаешь.

Потом завтрак в отдельной комнате: жидкая каша, ломоть хлеба, иногда маргарин таким тонким слоем, будто его пожалели даже для ножа.

Ели быстро. Ложки глухо стучали о миски, никаких разговоров. За стеной в это же время был слышен смех других женщин. Их столовая находилась в восточном крыле, за дверью, которая не всегда плотно закрывалась. Оттуда доносился звон чашек, женский смех, детский лепет и голос поварихи, раздраженный, но не злой:

– Осторожнее, фройляйн, Не обожгитесь!

У добровольцев был суп. У них были белые тарелки с синей каймой, чай с сахаром, варенье по воскресеньям. Эльке видела это несколько раз, когда их вели мимо открытых дверей. Видела скатерти, занавески, свет на подоконниках. Видела женщин с округлыми плечами, блестящими волосами и руками, которые не дрожали над ложкой. Они смеялись так, будто мир не сжался до расписания и замков.

– Сегодня обер-лейтенант Мюллер? – спрашивала одна, звонкая, с едва заметным рыжим оттенком в золотистых волосах и голубыми глазами.

Были бы у Эльке такие волосы, её бы не привели сюда.

– Нет уж, – отвечала другая, поправляя ленту на косе. – Он храпит, как старая печь. За столом поднимался смех.

– Тогда бери доктора, – лениво советовала третья. – Новая кровь, да еще в придачу симпатичный.

– Доктор слишком серьезный. Я была с ним вчера. У кукол и то эмоций больше.

– Серьезных веселить приятнее.

Эльке шла мимо с пустым животом и держала глаза опущенными. Так было легче. Если не видеть их лиц, можно было представить, что смех принадлежит не им, а кому-то за окном, за забором, в городе, где женщины выбирают яблоки на рынке и спорят о ценах. Но иногда взгляд всё равно поднимался. Добровольцы гуляли после завтрака. Им разрешали выходить во двор: в определенные часы, под присмотром, но без жёсткого конвоя и страха совершить лишнее движение, ведь это значит что именно из-за тебя прогулка закончилась и все идут обратно.

В самом дальнем саду некоторые катили коляски, другие вели детей за руки. Маленький мальчик в вязаной шапке однажды упал на дорожке, заревел, и женщина, скорее всего это его мама, подняла его, прижала к себе, зацеловала мокрые щёки.

Эльке тогда остановилась сбилась с шага наблюдая эту картину.

Беккер сразу заметила. И судя по её реакции, оплошала не только Эльке. Больше через этот двор их не водили, а вскоре дальний парк оградили высоким забором.

– Новак, двигайтесь.

Она пошла дальше, но внутри поднялась такая ярость, что дыхание стало горячим. Не к ребёнку. Не к той женщине, которая шептала ему ласковые слова. К самому праву быть рядом. К праву знать, кого ты родила. К праву услышать не только первый крик, но и второй, и третий, и сердитое сопение у себя под подбородком.

«У них есть лица, – подумала Эльке. – У их детей есть лица».

И в тот же миг ей стало стыдно за зависть. Стыд был острым, некрасивым. Она не хотела завидовать этим женщинам, но завидовала. Их смеху. Их посуде. Их свободе выбирать, какого мужчину позвать к себе сегодня и над кем потом посмеяться за завтраком.

В принудительном блоке выбора не было. Там ждали список и изучив его, тихо мирились со своей судьбой.

Флора лежала на соседней койке у окна. Ей было, наверное, чуть больше двадцати, хотя выглядела она младше, совсем ещё ребёнок.

Льняные волосы тонкими прядями липли к вискам, голубые глаза редко задерживались на людях, а тело казалось таким легким, что одеяло прижимало ее к кровати увереннее, чем собственная воля.

Когда-то Флора была красивой – это угадывалось в аккуратном носе, в мягкой линии подбородка, в длинных пальцах. Теперь красота в ней будто выцвела от безнадежности.

Она почти не говорила. Утром вставала, если её поднимали. Ела то что дают. Сиделась, ложилась, поворачивалась на осммотре. Всё без сопротивления и без лишних движений.

Иногда ночью Флора шептала одно слово на польском. Эльке не знала, что оно значит, но по тому, как губы Флоры дрожали в немых всхлипах, понимала: это имя.

– Ешь, – сказала Эльке, подтягивая к ней украденный с вчерашнего ужина хлеб.

Флора посмотрела на кусок, потом на Эльке.

– Не хочу.

Голос у неё был тихий, ровный, как у человека, который отдал все силы ещё вчера, а сегодня вынужден говорить в долг.

– Надо.

– Зачем?

Эльке не нашлась с ответом. В этом месте вопрос «зачем» был самым опасным. На него не было ответа, который не ранил бы сильнее. С другого конца палаты раздалось сердитое:

– Затем, что голодная и слабая ты для них удобнее, а для нас нет.

Магда сидела на своей койке и чинила рукав платья. Игла быстро ходила в её пальцах. Магда втыкала острие в ткань с такой злостью, будто ткань была виновата за весь мир.

Магде было под тридцать. Самая старшая среди нас она не давала никому раскисать. И учила верить и надеяться.

– Не начинай, – прошептала Флора.

– Я и не начинаю, – Магда затянула узел и перекусила нитку зубами. – Я продолжаю. Ешь. Флора медленно взяла хлеб. Откусила крошечный кусок. Магда кивнула, довольная не победой, а тем, что спор пока не проигран.

Эльке знала Магду почти с самого начала её пребывания здесь. Они попали в учреждение с разницей в несколько недель: Эльке из чешской деревни, Магда из Моравии. Первые месяцы Эльке ещё пыталась спрашивать, писать просьбы, объяснять, что дома родные, жених, что она не давала согласия, что произошла ошибка. Магда слушала это с каменным терпением, а потом однажды прижала её к стене в умывальной, где пахло хлоркой и плесенью.

– Запомни, – сказала она тогда низко, почти беззвучно. – Здесь ошибка – это ты, если мешаешь им работать. Не смотри им в глаза. Ни мужчинам, ни надзирательницам.

– Почему? – Эльке тогда ещё умела громко возмущаться.

– Потому что одни в глазах ищут приглашение, другие – дерзость. И те и другие найдут то, что захотят.

– А если не смотреть?

Магда усмехнулась одними губами.

– Тогда им придётся придумать повод. Не облегчать же им работу.

С тех пор Эльке училась выживать по правилам Магды. Не спорить у дверей. Не плакать при Беккер. Не смотреть на людей так, будто собираешься разбить их головы об стену. Не спрашивать о ребенке сразу после родов – ответ всё равно будет как соль на рану. Запоминать имена новых врачей, но не надеяться на помощь. Такие как мы не в приоритете. Есть, когда дают. Спать, когда есть возможность. Пытаться выжить, если больше нечего делать.

Иногда Магда говорила:

– Это закончится.

Она произносила эти слова без нежности, даже сердито, будто спорила не с Эльке, а с самой судьбой. И именно поэтому Эльке верила ей больше, чем поверила бы ласке.

После завтрака женщин распределяли. Беременные шли на осмотр или в комнату отдыха, где им велели вязать детские вещи. Те, кто недавно родил, чистили бельё, перебирали пелёнки, мыли полы в коридорах. Эльке дали корзину с простынями. Белая ткань пахла кипячением и эзарц-мылом. Она несла корзину через служебный переход, когда дверь в восточное крыло открылась. Оттуда высыпала группа добровольцев – нарядные по местным меркам, с ленточками в волосах, в теплых кофтах. С ними шла фрау Беккер, но говорила мягче, чем с женщинами ее крыла.

– Прогулка займёт полтора часа. Без капризов, дамы.

– Фрау Беккер, а если господин Штайн придёт сегодня? – спросила высокая блондинка с смеющимся взглядом. – Мне вчера обещали.

– Расписание тех, кто сегодня свободен или с малой нагрузкой есть у коменданта.

– Расписание, расписание, – протянула та и рассмеялась. – Мужчин здесь меньше, чем желающих служить отечеству.

Подруги прыснули. Одна прикрыла рот ладонью, другая толкнула её локтем.

Эльке опустила глаза, но было поздно. Она успела увидеть, как одна молодая девчонка держит руку на животе – бережно, с удовольствием. Успела заметить ее розовые пальцы, золотое колечко на мизинце, округлое здоровое лицо.

Проходя мимо забора успела услышать, как маленькая девочка громко спросила:

– Мама, кач-кач?

– К качелям, моя птичка.

Птичка.

Эльке крепче сжала корзину. Большие пальцы погрузились в ткань. Её дети не знали, как она назвала бы их. Не знали её голоса, её запаха, её рук. Первого она только слышала. Второго

увидела на несколько секунд, но память предала ее – не сохранила ничего. Третьего унесли так быстро, что в комнате остался лишь сквозняк.

– Новак! – рявкнула Беккер Эльке.

Как только здесь оказалась.

– Ты чего здесь прохлаждаешься? Пошла вон отсюда.

– Да, фрау Беккер, – покорно ответила Эльке. Внутри же всё кипело от злости и беспомощности.

В прачечной было жарко. Пар оседал на кожу, волосы прилипали к шее. Несколько женщин молча развешивали простыни. Сквозь приоткрытую форточку доносились голоса со двора.

Добровольцы гуляли. Дети смеялись. Цепи поскрипывали, снег под ногами превращался в серую кашу. Магда работала рядом, выкручивая воду из белья сильными движениями рук.

– Ты ее видела? – тихо спросила Эльке.

– Кого именно? Там целый выводок довольных гусынь.

Эльке неожиданно фыркнула. Смех вышел короткий, колющий, но настоящий. Магда покосилась на неё.

– Вот. Уже лучше. Если можешь смеяться – значит, не всё потеряно. Только так здесь и выживешь. Напомни, сколько раз я тебе это уже сказала?

– Сбилась на семьдесят шестом.

Некоторое время они молча выстирывали простыни и пеленки.

– Я им завидую, – призналась Эльке, глядя на простыню перед собой. – Ненавижу и завидую.

Магда перестала выкручивать белье. Ее руки замерли, вода капала на пол, образуя темные пятна.

– Завидуешь тому, что им разрешили выбрать поводок покрасивее?

– Им дают детей.

– На время.

– Им дают подержать их.

– Чтобы были послушнее. Даже им это нужно заслужить.

Эльке закрыла глаза на секунду. За окном ребенок снова засмеялся, звонко, от всей души. Этот звук отозвался болью в груди.

– Всё равно, – сказала она глухо. – Я бы отдала многое за пару минут. Хотя бы узнать их имена и увидеть лица.

Магда посмотрела на неё уже без злости. В её зелёных глазах усталость стала заметнее, но голос остался твёрдым:

– У тебя и так забрали достаточно. Если когда-нибудь дадут такую возможность – не бери. Когда ты будешь знать своих детей в лицо и знать, что ничего не можешь для них сделать станет только хуже.

Эльке отвернулась к окну. Через мутное стекло двор расплывался светлыми пятнами. Женщины в теплых кофтах. Дети. Надзирательница у дорожки. И за всем этим – высокий забор, одинаковый для всех. Только одни ходили внутри него с чашкой сладкого чая и думали что они здесь делают важное дело для будущего, а другие считали шаги до палаты.

После обеда их вернули в блок. Флора сидела на кровати и держала в руках недовязанную детскую кофточку. Петли сползли со спицы, нить запуталась.

– Я не помню, как, где ошиблась, – сказала она, не поднимая глаз.

Эльке села рядом, взяла спицы.

– Покажи.

– Я раньше умела.

– Значит, руки вспомнят.

Флора отрицательно покачала головой. В её голосе не было истерики, и от этого становилось страшнее.

– Руки как будто не мои.

Магда подошла, выдернула клубок из спутанных ниток и села напротив.

– Твои. Просто ленятся. Смотри сюда.

Она показала медленно, грубовато, но терпеливо объясняла каждый шаг. Флора следила за движениями, как ребёнок за огоньком свечи. Эльке держала край кофточки.

Три женщины над крошечной вещью, которую ни одна из них не подарит своему ребёнку. В коридоре снова повернулся ключ. В палате мгновенно стало тихо. Фрау Беккер вошла с папкой. За ней тянулся запах холодного воздуха и тяжелых духов.

– Новак, завтра утром осмотр у доктора Краузе. После завтрака. Не опаздывать.

Эльке подняла голову раньше, чем успела вспомнить правило Магды. Беккер заметила это и прищурилась.

– Что-то неясно?

– Нет, фрау Беккер. – покорно опустила голову Эльке.

– Вот и хорошо.

Дверь закрылась. Обойдя все комнаты фрау Беккер покинула западное крыло.

В коридоре щелкнул замок. Магда медленно повернулась к Эльке. Вид у неё был такой, будто она одновременно хотела выругаться и спрятать подругу за собственной спиной.

– Я что тебе говорила?

– Не смотреть им в глаза.

– А ты?

Эльке провела пальцем по краю недовязанной кофточки. Нить была мягкая, светлая. Совсем не для этих стен.

Отвечать не хотелось.

Эльке на следующий день поставили в очередь к врачу, но до полудня её не приняли. Она сидела на лавке у стены вместе с Флорой, которой ночью стало плохо, и еще тремя женщинами. Над головой горела лампа, хотя из окна хватало дневного света. В конце коридора скрипела тележка с бельём. Медсестра торопливо несла стопку карточек, не глядя по сторонам. Из-за поворота доносились голоса добровольцев. Их вели на прогулку отдельно, через большой холл. Они не опускали глаз. Обсуждали погоду, вязание, детей, мужчин.

– Мне сказали, из новой группы есть один с такими серыми глазами, что кажется что они прозрачные, – произнесла девушка высоким звонким голосом. – Представляете? Надоело всё голубое, как больничная стена.

– Тебя услышат, Марта, – хихикнула другая.

– Пусть. Я же не прошу генерала. Только чтобы не скучный.

– А я выберу врача, если разрешат, – сказала третья лениво. – У врачей руки чище.

Они прошли мимо. Две молодые, одна постарше. Волосы уложены, щеки румяные. Одна несла на руках ребёнка с круглым лицом и светлыми кудрями. Мальчик жевал деревянную игрушку и смотрел на мир с любопытством.

Эльке почувствовала, как внутри поднимается жар. Не от стыда. Другой. Тихий, тёмный, опасный. Они выбирали. Мужчин – выбирали. Жаловаться могли, смеяться могли, капризничать, сравнивать, просить. Им выдавали право превращать приказ в игру, клетку – в комнату с занавесками, расписание – в личное желание. А у Эльке спрашивали только фамилию, возраст и дату последнего кровотечения. Магда появилась рядом, будто выросла из стены. Она принесла стопку белья и бросила её на лавку между Эльке и Флорой.

– Не смотри на них так, – сказала она сквозь зубы.

Эльке вздрогнула от неожиданности.

– Эльке.

– Я молчу. А ты как здесь очутилась.

– У тебя глаза сейчас здесь всех спалят.

Эльке медленно повернула голову. Магда стояла над ней, злая, но в этой злости была забота, грубая и крепкая, как верёвка.

– Пусть видят.

– Нет, – Магда наклонилась ниже, голос стал совсем тихим. – Запомни ещё раз: не смотри им в глаза. Ни мужчинам, ни надзирательницам. Мужчины любят думать, что в глазах женщины есть просьба. Надзирательницы любят искать вызов. И те и другие накажут за то, что сами себе придумают.

– А если я уже не могу смотреть в пол?

– Смотри на переносицу. На пуговицу. На воротник. Куда угодно, только не в глаза. Такой взгляд как у тебя может подарить тебе лишь неприятности.

– Ты же не боишься смотреть.

Магда усмехнулась, и усмешка вышла колючей.

– Я старше и дурнее.

– Ты не дурная.

– Значит, хорошо притворяюсь.

Флора подняла лицо. Её светло-голубые глаза с ленивым интересом скользнули от Магды к Эльке.

– Рано или поздно они всё равно начнут приходить? – спросила она едва слышно.

Магда замерла. Вопрос был простой, но воздух вокруг него сразу стал тесным. – Тогда ты дышишь, Флора, – ответила она после небольшой паузы. – Считаешь. Доски на полу, пуговицы, трещины на стене. Отдаёшь им тело, но не голову. Тело они забирают по расписанию, в голову залезут только если сама вступишь.

Флора слушала, но Эльке не знала, дошли ли слова. У Флоры внутри, кажется, уже не было дверей, которые можно закрыть.

– А если не получается? – спросила Эльке.

Магда посмотрела на неё уверенным взглядом.

– Тогда я буду рядом, чтобы помочь пережить это.

В коридоре резко стало шумно. Открылась дверь общей столовой. Другие женщины возвращались с прогулки, разгоряченные холодным воздухом. С ними вбежали дети – короткие ножки, смех, стук деревянной игрушки, упавшей на пол.

Надзирательница из восточного крыла говорила им мягко: – Тише, тише, не разносите дом. Дом. Эльке стиснула зубы. Для одних это был дом. Для других – клетка.

Мимо прошла женщина с яркими голубыми глазами. Рядом с ней шагал Петер, крепко держась за её пальцы. Она несла в другой руке маленький шарф и смеялась над чем-то, что сказала подруга.

Петер вдруг остановился напротив Эльке. Посмотрел прямо на неё. У него были светлые волосы, торчащие мягкими вихрами, и серые глаза. Совсем как у многих здесь. Совсем как могли быть у её ребёнка. У одного из. Мальчик перестал жевать деревянное колёсико и протянул его Эльке. – На, – сказал он важно.

Его мать обернулась. Улыбка ушла с лица не сразу, а потом взгляд стал осторожным.

– Петер, не мешай. Эльке не взяла игрушку. Руки лежали на коленях, пальцы впились в ткань платья. Мальчик нахмурился, не понимая отказа. В его мире протянутую игрушку брали. В его мире женщины отвечали улыбкой, а не сидели неподвижно, как под ледяной водой.

– Петер, – повторила мать уже жёстче.

Она потянула его за руку. Мальчик послушно ушел, один раз оглянувшись и подарив Эльке по-детски обиженным взглядом. Деревянное колёсико так и осталось в его ладони. Эльке смотрела ему вслед на спину в маленьком пальто. Не в глаза. Ни ему, ни его матери. И всё равно

внутри поднималась та же лава, густая и горячая, только теперь в ней была не одна ярость. Там была зависть. Горькая, постыдная, разъедающая.

– Дыши, – сказала Магда, собирая белье.

Эльке вдохнула.

– Я дышу.

– Плохо.

– Как умею.

– Учись лучше.

И Магда ушла выполнять свои сегодняшние обязанности.

Из кабинета врача вышла медсестра со списком.

– Новак Эльке.

Эльке поднялась. Ноги отозвались слабостью, тело еще болело, а внизу живота болезненно сводило спазмами. Флора посмотрела на неё снизу вверх и вдруг шепнула:

– Вернёшься?

Вопрос прозвучал так, будто в этом месте даже короткий уход мог означать исчезновение.

Эльке наклонилась к ней.

– Все будет хорошо.

Эльке кивнула и пошла за медсестрой. У двери кабинета она услышала мужской голос. Спокойный, низкий, без привычного раздражения.

– Поставьте стул ближе к окну. Здесь темно, я не собираюсь сидеть в темноте.

Медсестра фыркнула:

– Раньше это никому не мешало.

– Значит, раньше плохо смотрели. Эльке остановилась. Узнала голос. Новый врач. Александр Краузе. Тот, кто в прошлый раз смотрел на неё. Медсестра подошла к двери.

– Новак, заходите уже.

Эльке опустила взгляд на его манжету, белую, чистую, чуть смятую у запястья. Не смотреть в глаза. Ни мужчинам, ни надзирательницам. Но когда Александр поднял голову, она всё равно почувствовала его взгляд. Не липкий, не брезгливый. Внимательный.

Предательская надежда зацепилась за разум и молодые побеги быстро расплзлись. Закрепились. От этого стало страшно, ведь он один здесь такой.

Не такой как другие.

Глава 4. Александр

На пятый день Александр понял как именно работало это учреждение. И от этого было становилось жутко даже ему. А он многое видел, пока лечил людей в полевых лагерях.

Утром коридоры наполнялись шагами, скрипом тележек, короткими командами надзирательниц, шорохом карточек в руках медсестер. В восточном крыле звенели чашки, дети капризничали над завтраком, женщины смеялись над пустяками. В западном крыле женщины выходили из палат молча, одна за другой. Никто даже не пытался спорить. Он видел лишь потухшие глаза, если взгляд поднимался куда-то выше плинтуса.

Приёмная для принудительного блока была тесной. Стол, кушетка, шкаф с инструментами, таз у стены, окно во двор. За окном серый мартовский свет освещал мокрую дорожку, и редкие прохожие из персонала торопились между корпусами, поднимая воротники.

В комнате пахло карболой, старым деревом и кровью, которая не выветривалась и не выводилась никакими растворами.

Александр разложил карточки по порядку, взял карандаш и посмотрел на первую фамилию.

– Зовите.

Медсестра Инга приоткрыла дверь.

– Шмидт. В кабинет.

Вошла женщина лет двадцати пяти. В карточке значилось: «Анна Шмидт, полька, третья беременность, состояние удовлетворительное». Слово «удовлетворительное» было написано размашистым почерком прежнего врача. Александр посмотрел на Анну и сжал челюсть так сильно, что заболели зубы. У неё были тонкие руки, ключицы выступали под серой тканью платья, кожа на губах потрескалась. Под глазом расплывался желтовато-синий след. Не свежий, но все еще заметный. Она села на край стула и сразу опустила взгляд на свои ладони.

– Вас кто-то обидел? – спросил Александр.

Инга у шкафа шумно переложила металлические щипцы.

Анна не ответила.

– Я спросил не для протокола, – сказал он тише. – Мне нужно знать, нет ли у вас повреждений.

Женщина сглотнула.

– Упала.

Инга хмыкнула.

– Они все падают, герр доктор. Полы у нас, видно, очень скользкие.

Александр повернул к ней голову.

– Выйдите.

Медсестра замерла с таким видом, будто он попросил её вынести из комнаты стену.

– Простите?

– За дверь. Я позову когда понадобится ваша помощь.

– По правилам...

– По правилам врач имеет право осматривать пациентку без лишних свидетелей, если свидетель мешает.

Инга пошла пятнами.

– Я доложу фрау Беккер.

– Не забудьте указать, причиной такого произвол ваш длинный язык.

Она вышла, закрыв дверь слишком резко. В коридоре кто-то тут же притих. Александр снова посмотрел на Анну. Та сидела неподвижно, но пальцы у неё сжались на коленях. Плечи слегка подрагивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.